

УДК/UDC 340.12

К вопросу о взаимодействии морали и нравственности (сравнительно-правовой аспект)

Долина Илья Олегович

помощник судьи

Краснодарский краевой суд

г. Краснодар, Россия

e-mail: ilya.dolina@mail.ru

Аннотация

Современная российская юридическая наука, характеризуя соотношение права и морали, обращает на себя внимание прежде всего неколебимым единодушием исследователей в исходном пункте анализа, каковым выступает отождествление морали и нравственности. Однако отождествление нравственности с моралью некорректно прежде всего со столь распространенной в отечественном обществоведении исторической точки зрения. Вместе с тем автор приходит к выводу, что будет более правильным говорить о взаимодействии морали и нравственности, но никак не об их отождествлении. В статье дано определение нравственного направления развития права. Отмечается, что начиная с конца 20-х годов XX века в российском государстве прослеживается становление и развитие нравственного уклада, который можно назвать субстанциальной, или объективной (наивной) нравственностью. А в 30 – 50-х годах XX века данная концепция была определяющей для всей общественно-политической жизни советского государства. В период 80-х годов XX века концепция субстанциальной, или объективной нравственности достигла наибольшего распространения в системе права. Сделан вывод о том, что право и мораль рассматриваются российской правовой наукой в качестве отличных от друг друга принудительных нормативных инструментов.

Ключевые слова: право, мораль, нравственность, индивидуум, общество, государство.

On the Issue of the Interaction of Morals and Morality (Comparative and Legal Aspect)

Dolina Ilya Olegovich

assistant judge

Krasnodar Regional Court

Krasnodar, Russia

e-mail: ilya.dolina@mail.ru

Abstract

Modern Russian legal science, characterising the relationship of law and morality, draws attention, first of all, to the unshakable unanimity of the researchers in the initial point of analysis which is the identification of morals and morality. However, the identification of morals with morality is incorrect, first of all, from the historical point of view which is common in the domestic social science. At the same time, the author comes to the conclusion that it would be more correct to talk about the interaction of morals and morality, but not about their identification. The article defines the moral direction of law development. It is noted that since the end of the 20s of the 20th century, one can observe the formation and development of a moral structure in the Russian state which can be called a substantial, or objective (naive) morality. In the 30–50s of the 20th century, this concept was decisive for the entire social and political life of the Soviet state. In the 80s, the concept of substantial, or objective morality has achieved the greatest distribution in the system of law. It is concluded that the law and morality are considered by the Russian legal science as distinct coercive regulatory instruments.

Key words: law, morality, morality, individual, society, state.

Обращаясь к исследованию таких центральных категорий теории государства и права, как мораль и нравственность, отметим, что на протяжении нескольких десятилетий представители научной доктрины практически не обращались к исследованию нравственной ситуации в российском обществе. Думается, что анализ соотношения права и нравственности невозможен без прояснения нравственного порядка, оказывающего непосредственное влияние на правовую систему.

В самом общем виде «направление» нравственного движения на-

шого общества — начиная с 30-х годов XX века и до настоящего времени — можно определить в качестве процесса эволюционирования, которое характеризуется отделением от субстанциальной нравственности, трансформируется в качественно новое формирование внутренней личной свободы и независимости субъекта, при том образует само себя в лимитах личной свободы. В конечном счете нравственное движение формирует умозаключение, говорящее о наличии субъективной (личной) свободы.

Обращаясь к историческому опыту развития отечественной системы права, следует отметить положительный результат стрессовых преобразований, произошедших после событий 1917 года [1]. По нашему мнению, с этого момента прослеживается становление и развитие нравственного уклада, который можно назвать субстанциальной, или объективной (наивной) нравственностью. Так же обратим внимание на то, что в 30–50-х годах XX века данная концепция была определяющей для всей общественно-политической жизни советского государства.

Следует отметить, что в указанный исторический период личное мировоззрение человека, уникальность его внутреннего мира были подвержено активному воздействию со стороны государственно-политической машины. Индивид осознавал себя как личность только через призму того, что он живет и работает в рамках концепции «общего блага». Очевидно, что большинство индивидуумов и устраивала подобная концепция «служения» государству, поскольку руководством страны была достигнута цель создания идеологии максимального воздействия и контроля над личностью. Люди стремились работать в первую очередь не для себя, а для страны.

Общественно-политический строй в советской России и его четко сформированная концепция всеобъемлющего особого объективно-нравственного уклада не позволяла личности иметь особое содержание, которое бы могло хоть как-то противоречить общественно-политическому укладу, и на самом деле представляла фундаментально устойчивую атмосферу всеобщего единства. Бесспорно, подобная концепция нравственного единства дала возможность населению Советско-

го Союза осуществить коллективизацию и индустриализацию и, что особо нужно отметить, позволило с достоинством одержать победу в Великой Отечественной войне, а также провести колоссальные работы по восстановлению гражданских, промышленных, военных объектов — фактически воссоздать государство снова после вторжения немецко-фашистских захватчиков. Необходимо подчеркнуть, что концепция особого объективно-нравственного уклада на разных исторических этапах дала толчок для целенаправленного, планового развития российского государства и его трансформации в одну из «сверхдержав».

Исследуя сущностную природу морали и нравственности, отметим, что в советский период концепция особого объективно-нравственного уклада была реализована, в частности, как стремление индивида к личному счастью, но при этом не забывала о наличии этики долга, столь строго диктуемой общественностью. Однако эта система лишь допускала, до известной степени терпела моральную точку зрения. Это было продиктовано тем, что личные интересы индивида, его представления о жизни, убеждения, все особенное своеобразие индивидуума, принималось во внимание скорее как второстепенное, несущественное, вторичное по отношению к необходимости соблюдения государственно-политической идеологии. В литературе высказывается мнение, что в рассматриваемый исторический период личные интересы индивида никак и ни в чем не могли противоречить государственным интересам намерениями или действиями.

В связи с тем, что личное своеобразие человека занимало столь низкое место, то индивидуум не мог получить подлинно свободного развития и выявления своих способностей. Причем не только индивидуальность была лишена возможности осуществлять свои особенные устремления в полном объеме. Личная свобода была «поражена» в своих фундаментальных всеобщих правах (от права частной собственности до свободы совести, творчества и научного исследования). Поэтому она не была приведена в согласие с всеобщей целью государства.

Полагаем, что принцип субъективной свободы (являющийся столь

же существенным для подлинной нравственности), не включенный в государство и, значит, не сделанный законным, нравственным (сначала — моральным) выступал и рассматривался там как порок, как нарушение существовавших добрых нравов, подрыв идеологических основ государственного строя, словом, как разрушение объективного нравственного единства общества и государства.

Следует отметить, что на разных исторических периодах развития СССР притеснение субъективной свободы индивида не всегда было однородным в контексте государственного контроля (здесь государство разрабатывало и внедряло разные формы контроля, в том числе сопровождающиеся карательными формами воздействия). Возможно, что именно притеснение субъективной свободы индивида, «сведение на нет» личной свободы вылилось для государства в качестве камня преткновения в развитии советского общества, и, вероятно, явилось детерминантой его упадка и гибели. Впоследствии все это привело к развитию внутреннего нравственного антагонизма.

Обращаясь к современным подходам регулирования нравственного уклада, следует учитывать, что сейчас утвердилась и доминирует точка зрения свободно определяющей себя субъективности, согласно которой только собственное усмотрение, внутреннее убеждение обязывает человека признавать какое-либо содержание.

Но в такой же степени потребность в возрождении разумного нравственного воззрения в нашей теории права и государства диктуется и теоретической необходимостью понимания подлинного смысла и значения столкновения норм ст. 2 (а также ст. 17, 18) и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ [2]. Его (несмотря на прямой запрет противоречия других положений Конституции РФ основам конституционного строя России, установленный ч. 2 ст. 16 Конституции РФ) можно рассматривать как центральную, основополагающую конституционно-правовую коллизию. В самом деле, объявленные высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ), а также неотчуждаемыми, естественными, непосредственно действующими и пр. (ст. 17, 18 Конституции РФ), права и свободы человека и граждани-

на и, таким образом, вообще единичный человек тем самым утверждён в качестве абсолютной цели, по отношению к которой государство (и, согласно логике, семья и гражданское общество) не может быть ничем иным, кроме как средством. Однако норма ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, допуская возможность «ограничения» федеральным законом прав и свобод человека и гражданина, этим, казалось бы, вполне безобидным «допуском», несомненно, преодолевает, снимает именно этот их абсолютный характер, заявленный в ст. 2 Конституции РФ. Причём эта первоначальная безусловность свободы индивидуума отрицается «в целях защиты» нравственности, элементами которой здесь названы гражданское общество («права и законные интересы других лиц») и государство.

Таким образом, отношение, установленное нормой ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, совершенно иное: абсолютным характером обладает всеобщая нравственность (гражданское общество и государство), а единичный человек с его свободой и законными интересами выступает необходимым моментом, подчинённым всеобщему нравственному порядку общественно-политической жизни.

Важно обратить внимание на то, что либеральная государственно-правовая рефлексия основывается на том, что основная роль права (прежде всего в России) заключается в том, чтобы выступить средством самореализации личности в гражданском обществе: интересы личности удовлетворяются через реализацию субъективного права на основе формального равенства и отсутствия (по крайней мере, стремления к этому) государственного вмешательства в личную жизнь [3].

Таким образом, современная теория права при анализе взаимосвязи нравственности и права опосредует их через противопоставление, которое изначально предполагается и не преодолевается теоретико-правовой рефлексией. Поэтому дальнейшее движение этой рефлексии есть не более чем внешнее сравнение двух имеющихся в её распоряжении субъективных представлений о праве и нравственности. То, что называют единством права и морали, представляет собой их смешение, предустановленное пониманием их как особенных разновидностей системы

социальных норм. Поэтому право и мораль рассматриваются российской правовой наукой в качестве различных принудительных «нормативных порядков».

Список литературы

1. Очаковский В. А. Становление и развитие института юридической ответственности государственных служащих в дореволюционной России (начало XVIII — конец XIX века): автореф. дисс. . . . канд. юрид. наук / В. А. Очаковский. Краснодар, 2013.
2. Права человека. Учебник для вузов / ред. Е. А. Лукашева. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999. 573 с. С. 9.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 528 с. С. 330.